

Л.Ю. Мирзоева¹

¹ Университет имени Сулеймана Демиреля
Каскелен, Казахстан

ЭМОТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.: ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Abstract: The article deals with specific phenomenon related to both Russian grammar and semantics; traditionally it is treated as multifaceted linguistic means aimed at emotive meaning representation. The author focuses on emotive coordination represented in Russian literary texts dated by XVIII century. The author's conclusion is that the ability to adequately perceive the personal, emotional dominants of other people's texts as reflections of a different conceptual sphere of Russian national culture that is remote in time is associated with the correct perception of the evaluation code that exists at a historically specific point on the diachronic axis, emotionally coordinating as one of ways of expressing assessment at the text level.

Key words: emotive coordination, emotive meaning, semantics, literary text.

Аннотация. Статья посвящена одному из специфических феноменов русского языка, совмещающего в себе явления как семантики, так и грамматики. В лингвистической литературе данное явление обозначается при помощи термина «эмотивное согласование». В качестве объекта анализа автором были избраны фрагменты, репрезентирующие данное явление в литературных текстах XVIII века. Выводом автора является то, что возможность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражения иной, удаленной во времени концептосферы русской национальной культуры связана с корректным восприятием существующего в исторически конкретный момент на диахронической оси оценочного кода, органичной частью которого является эмотивное согласование как один из способов выражения оценки на текстовом уровне.

Ключевые слова: эмотивное согласование, эмотивность, семантика, литературный текст.

Андатпа. Мақала екі семантиканың және грамматиканың құбылыстарын біріктіретін орыс тілінің ерекше құбылыстарының біріне арналған. Лингвистикалық әдебиетте бұл құбылыс «эмоциялық үйлестіру» терминімен белгіленеді. Талдау объектісі ретінде автор 18-ші

ғасырдың әдеби мәтіндерінде осы феноменді көрсететін үзінділерді таңдады. Автордың қорытындысы - басқа адамдардың мәтіндерінің жеке, эмоционалды доминанттарын уақытында қашықтан түсетін түрлі орыс концептуалды саласының көрінісі ретінде қабылдау қабілеттілігі, диахроникалық осытегі тарихи тұрғыдан нақты координатта, эмоционалды түрде үйлестіруге байланысты бағалау кодын дұрыс қабылдауымен байланысты. Мәтін деңгейінде бағалауды білдіретін тәсілдер.

Кілт сөздер: эмоционалды үйлестіру, эмоция, семантика, әдеби мәтін

Как указывает В.И. Шаховский, эмоции в качестве мотивирующей основы познавательной деятельности человека «составляют существенную часть его когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают важные моменты устройства и механизмы функционирования человеческого Мышления» [2, 11]. В качестве одной из структур, в которых достигнута вербализация эмоций, которая в то же время отражает формально-грамматическую специфику репрезентации оценочного и эмотивного фактора в высказывании и тексте, может рассматриваться эмотивное (эмоциональное, оценочное согласование), представленное на различных синтаксических уровнях: от отдельно взятого слова до синтаксического целого и текста. Именно «положение эмотиологов об эмоциональном содержании концепта и эмоциональной природе внутренней формы знака, являющиеся сегодня базовыми в теоретической лингвистике, дали толчок для использования эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста» [2]. Проследить реализацию этих положений в диахроническом аспекте позволяет, в частности, обращение к структурам, которые в той или иной степени связаны с эмотивным согласованием: во-первых, налицо реализация авторских аксиологических интенций; во-вторых, на наш взгляд, в контекстах подобного рода органично сочетаются характеристики языковой личности и целостного языкового коллектива как в плане продуцирования аксиологически ориентированных высказываний, так и в плане их декодирования в процессе восприятия.

В литературном языке XVIII в. эмотивное согласование, так же, как и в языке предшествующего периода, весьма широко используется как явление, обеспечивающее единство эмотивного ключа высказывания и текста и тем самым выполняющее когезивную функцию, ср.: *Разговоры, коими он и супруга его меня удостоили, доказывают просвещенное их благоразумие...* (классический случай согласования оценочного знака, в данном случае – положительного, оценка носит рациональный характер, однако налицо описание и последующее генерирование именно позитивных эмоций); *Сколько много несовместны*

*они в подробностях своих с нашими, столь, напротив того, общие правосудия правила просвещают меня в познании существа самой истины и в способах находить ее в той **мрачной глубине**, куда ее **свергают невежество и ябеда**; ... народ их пресмыкается во **мраке глубочайшего невежества**...* (Д.И. Фонвизин. Письма из Франции).

В то же время следует отметить, что в проанализированных нами текстах гораздо меньше отмечается случаев эмотивного согласования, имеющего собственно формальный характер и строящегося по модели «атрибутив + имя (в диминутивной форме)». В текстах XVII в. нами было отмечено преобладание конструкций такого рода (из 524 выявленных нами случаев 387 характеризовались наличием формального согласования). В литературных источниках XVIII в. такие случаи сравнительно редки; более того, сам прием эмотивного согласования не характеризуется столь активным использованием, как в языке предшествующего и последующего столетий. Более того, в большинстве случаев, проанализированных нами, диминутивные образования выступают в своей прямой функции, т.е. обозначают не аксиологически ориентированное отношение к предмету речи, а качественную его оценку, ср.: *И ходя по берегу на многие часы, усмотрел, как бы ему куда **пройтись** к жилищу, и, ходя, нашел **маленькую тропку**...* (М.В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий). На наш взгляд, это связано с преобладанием оценок рационального характера в литературном языке рассматриваемого периода, что, в свою очередь, базируется на экстралингвистических основаниях, таких, как преобладание рационализма в восприятии и, как следствие этого, - в оценке явлений, событий, фактов в целом.

В то же время выявлен гораздо больший процент контекстов, в которых имеет место согласование оценочного знака, т.е. согласование чисто семантическое, ср.: *И оный адмирал вшел в корабль, нача Василия Кориотского бить по щекам и за власы терзать, и рече адмирал: Тебе ли, **каналия непотребный**, бестия, сию прекрасною королевной Ираклиею владеть? (Гистория о российском матросе Василии Кориотском). А сеи **злы губители** повеле во глубину морскую меня утопити (там же)* Следует отметить, что в приведенных здесь случаях функция интенсификации является ведущей, т.к. наблюдается своеобразное смысловое излишество, своего рода оценочный плеоназм, ведущий, однако, не к возникновению стилистического диссонанса, а к усилению эмоционального воздействия и синхронно с этим - к увеличению экспрессивного эффекта.

Итак, негативно оценочный смысл существительного находит подтверждение и интенсифицируется в последующем атрибутиве. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать во многих случаях, связанных в основном не с формализованным согласованием

диминутивных форм, а с согласованием оценочного знака, причем не только (а порой – и не столько) в пределах сочетания атрибутивной формы и опорного слова, но и в рамках целостного отрезка текста, ср.: *...не можно, кажется, не иметь благородного и похвального ревнования в том, чтобы не дать предупредить себя от других успехов толь великого и преславного дела* (М. В. Ломоносов Краткое описание разных путешествий). Позитивно оценочный ореол в этом и подобных ему случаях также интенсифицируется и воспринимается реципиентом как оценочная градация, которая может быть отмечена как характерный для языка рассматриваемого периода троп. Это может быть и сочетание рационально оценочных единиц с одинаковым знаком оценки (в приводимом ниже случае – отрицательным): ***Нерадостные примеры неудачных прежде походов*** (там же). Ср. также: *Вне города есть место приятнейшее и великолепнейшее из всех известных* (Д.И. Фонвизин. Письма из Франции).

В качестве наиболее многофункционального употребления следует отметить использование эмотивного согласования в контекстах разговорного характера, и в особенности те случаи, когда целью его использования является сатирическое изображение. По нашим наблюдениям, оценочный потенциал эмотивного согласования, выявляющийся в контекстах такого рода, будет широко использоваться в литературном языке XIX в.; в рассматриваемый же здесь период намечаются перспективы его функционирования в данном аспекте, ср.: *Надобно было время два часа полковнице одеться; она была хотя обветшала, однако щеголиха. Лицо ее было самой древней печати и худого тиснения; нос ее представлял кривую ижицу, борода и губы казались как будто старинный юс в драгунской шляпе...* (М.Д. Чулков. Пересмешник или Славенские сказки). Эмотивное согласование позволяет актуализировать оценочный потенциал лексических единиц, многие из которых являются либо амбивалентными (как в приводимом ниже случае), либо безразличными к оценочному знаку: *Читатель, без сомнения, дожидается сбытия сей пословицы: «... от **доброего дерева добрые и отрасли**». Вы не обманетесь и будете свидетель, что я истинный их сын и достоин сего имени, что произошел на свет из **цыганския утробы*** (Там же). Примем во внимание предлагаемое в лингвистике последних десятилетий более широкое истолкование эмотивного согласования, когда под этим термином понимается единство оценочного знака в пределах контекста, а не только эмотивная общность определяемого и определения, выраженная формально. В этом случае становится очевидным, что инверсия оценочного знака, имеющая место в приведенном выше фрагменте, продиктована имплицитной оценкой негативного характера, которая отражена в финальном словосочетании (**цыганския утробы**). Это тот случай, когда можно говорить о «языковых

приращениях, появляющихся за счет реализации эмотивного потенциала языковых единиц в разных условиях общения» [3, 29]. Начало анализируемого контекста характеризуется отчетливо выраженной мелиоративностью рационального типа (*от доброго дерева добрые и отрасли*); затем эффект трансформации позитивно оценочных смыслов в негативные, который интенсифицируется при помощи обманутого ожидания, находит подтверждение в оценках достоверности сообщения (*истинный сын, вы не обманетесь* и пр.) Эмотивное согласование в литературном языке рассматриваемой эпохи может способствовать и формированию стилистического единства, ср.: *Когда уже забываются славные дела великих государей, то как можно уцелеть памяти о таком маловажном человеке, каков есмь аз многогрешный* (там же). Однако в процессе контекстуального анализа становится очевидным диссонанс торжественной патетики (внешняя форма высказывания) и самоиронии (его аксиологический, т.е. содержательный, план). Таким образом, уже применительно к русскому литературному языку XVIII в. становится очевидной взаимосвязь функционально-стилистических и оценочных характеристик текста, индуцируемая либо интенсифицируемая при помощи эмотивного согласования: *Нимало не думая, взлетела она (сорока) к **плешивому** на голову и, покамест не успели ее согнать, долбнула его раза два, три очень исправно в **глупую столицу плешивого разума его**; А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и **непосредственные нахалы**, то некто из оных для **разгулки*** (просторечная стилистическая квалификация этого слова отмечена уже в Словаре русского языка XVIII в., и, по нашему мнению, она способствует актуализации пейоративной оценки – Л.М.) *замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо...* (там же)

Отметим также случаи столкновения прямого и переносного значений, характеризующихся одинаковым оценочным знаком, что, по нашему мнению, может представлять собой частный случай эмотивного согласования: *Множество подлых людей душою и происхождением покупали себе права...* (Д.И. Фонвизин. Письма из Франции). (Словарь русского языка XVIII в. отмечает у данной лексической единицы два значения: значение нравственной оценки и значение «низкое происхождение» [1, 9]; при этом оценка моральных качеств личности и ее происхождения в данном случае находятся в отношениях взаимодополнения, что также усиливает производимый эмотивным согласованием прагматический эффект.

Таким образом, исследование эмотивного согласования в аспекте диахроническом и аксиологическом одновременно позволяет взглянуть по-новому на проблемы «динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей, на вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания

чужих эмоций, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения» [2]. Возможность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражения иной, удаленной во времени концептосферы русской национальной культуры связана с корректным восприятием существующего в исторически конкретный момент на диахронической оси оценочного кода, органичной частью которого является эмотивное согласование как один из способов выражения оценки на текстовом уровне.

Использованная литература:

1 Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. – Л., 2004. – 471 с.

2 Шаховский В.И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы. Электронный ресурс. Режим доступа: http://tverlingua.by.ru/archive/010/2_10.htm. Дата обращения: 12.10.2018

3 Эмотивный код языка и его реализация // Коллект. монография: ред. В.И. Шаховский. – Волгоград, 2003. – 237 с.